БІЛЬШЕ

панк журнал

випуск 4

CRIMEA RIVER

Чорногорське містечко Будва можна порівняти із Сімеїзом, а сама Чорногорія дуже схожа на південне узбережжя Криму. Хіба що гори дещо вищі, а море трохи солоніше. Але обидва міста однаково приваблюють неймовірну кількість туристів.

Чорногорія в цьому журналі тільки у вступному слові, але тема Криму так чи інакше виринає то тут, то там. Тільки зараз ми зрозуміли, що крім великого матеріалу про людей, які переїхали з півострова на материкову Україну, певна частина текстів в журналі написана кримчанами. Можливо, при інших обставинах ми б і не звернули уваги на цей факт, але недавні події наштовхують на відшукування нових сакральних смислів.

На одній із центральних вулиць Будви, поруч із місцем, де ми проживали влітку, впритул один до одного розташовані два супермаркета. Ціни в обох практично однакові, тому зацікавити людей кожен з них може хіба що своїм плануванням – квадратне приміщення у маркета “Roda” і продовгувате прямокутне у “Slavija”. В перший день ми пішли в «Роду», там працівниця молочного відділу попросила нас говорити англійською – на відміну від більшості місцевого населення, вона не розуміла російської. Для нас це не склало жодних проблем.

Наступного разу ми вирішили спробувати сир зі «Славії». Щоб не повторилася мовна ситуація, ми одразу звернулися англійською. І яким був наш подив, коли нас попросили зробити замовлення російською, оскільки англійської жінка не знала.

Кожна людина має власні якості та особливості. Навіть коли нам здається, що ми єдині в якомусь питанні, наші думки звучать по-різному. Ця історія не про відпочинок на морі і навіть не про сир, а про те, як важливо навчитися чути і розуміти один одного і при цьому досягати бажаних результатів.

До речі, сир в обох магазинах був однаково смачним!

Юрій Бондарчук

Дізнайся БІЛЬШЕ про:

- подорожі,
- секретні записи музичних груп,
- досягнення минулих років та плани на майбутнє,
- social media marketing,
- переїзд з Крима на материкову частину України,
- відпочинок у Карпатах,
- концертні фотографії,
- улюблені мерчеві футболки,
- першопроходців української сцени.

Над номером працювали:
Franz Nicolay, red hair boy, Алексей Коротуненко, Анастасия, Аркадий, Виталий Даркфолк, Георгий Стуруа, Джоэл Циммерман, Дима Phase, Женя Свищёв, Жужа, Коля Был, Константин, Макс Черепица, Олександр Гаврилюк, Павел, Петр Бокановский, Руслан Иванов, Саша Буль, Сережа Рафальский, Эва, Юрій Бондарчук.

ПУТЕШЕСТВИЯ

ПОСТОЯННЫЙ АВТОР И ЧАСТЬ КОМАНДЫ «БІЛЬШЕ» **СЕРЕЖА РАФАЛЬСКИЙ** В СВОЙСТВЕННОЙ ЕМУ МАНЕРЕ РАЗБИРАЕТ ПО ПУНКТАМ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛЮБОГО ПУТЕШЕСТВИЯ.

НОЛЬ

КОГДА ШУМ ЗАПОЛНЯЕТ ВОКРУГ
БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПЕЙЗАЖИ:
КАСКАДЫ ДОМОВ БЕЗ ОКОН,
ДОРОГИ УТЫКАННЫЕ ОСТАНОВКАМИ
И ГДЕ МАГАЗИНЫ С ДЕШЕВЫМ ВИНОМ,
ПОЛЯ С ЛАЕМ СОСЕДСКИХ СОБАК.

ТОГДА Я ИДУ ИСКАТЬ
СТЕПНЫЕ ТРАВЫ,
ЗАПУТАВШИЕСЯ В ТВОИХ ВОЛОСАХ.

С

ВПЕРЕД

ПЛАЦКАРТНЫЕ, КУПЕЙНЫЕ, СВ.
ХОЛЩЕВЫЕ, ТРИКОТАЖНЫЕ, ПОЛИЭТИЛЕНОВЫЕ.
РАЗНОЦВЕТНЫЕ, ЧЕРНЫЕ, В КЛЕТКУ.
КОЛЕСА, РЕЛЬСЫ, КОЛЕСА.
ЗАПАХИ: УДУШАЮЩИЕ И ОСВЕЖАЮЩИЕ.

ХАОС.

ВВОДЯ В СОСТОЯНИЕ ПОСТОЯННОЙ ДОРОГИ, МЕДИТИРУЯ В ПОТУ И ОЗНОБЕ, ЛОВЯ ВЕТВИ ЕЛЕЙ И ЛИСТВЕННИЦ, КАШТАНОВ И ТОПОЛЕЙ; ВДЫХАЯ ЗАПАХ СТЕПНЫХ ТРАВ И ТУМАН ВОДОХРАНИЛИЩ. СКИТАНИЯ ДОСТИГАЮТ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ТОЧКИ; ТЕЛО И ОКРУЖАЮЩИЙ ЕГО ШУМ СТАНОВЯТСЯ БОЛЬШИМ, ЧЕМ ПРОСТО ФИКСАЦИЯ И КОНСТАТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА; ВРЕМЯ ЕДЕТ, ЛЕТИТ, ПЛЫВЕТ.

ТЕПЕРЬ ИМЯ ТЕБЕ — СОГЛЯДАТАЙ. ТВОЕ МЕСТО У ПЛАСТИКОВОГО (ДЕРЕВЯННОГО?) ОКНА. СМОТРЕТЬ НА СОЛНЦЕ, ДОЖДЬ, СНЕГ. ГОЛУБЕЙ И ВОРОН. ДЕТЕЙ НА ПЛОЩАДКЕ, ИХ МАТЕРЕЙ. КРУГ ВРАЩАЕТСЯ, ЗАМЫКАЕТСЯ НА ЗАПИСЯХ В КАРТОТЕКАХ КОЛУМБАРИЕВ, ШАХТАХ, НЕДОСТРОЕННЫХ И ЗАБРОШЕННЫХ ДОМАХ, ОКОПАХ, КУСТАХ, ОБОЧИНАХ.

ТЫ ОСТЕПЕНИЛСЯ, ОСЕЛ, РАЗЛОЖИЛ ВЕЩИ ПО ПОЛОЧКАМ ПРИБИТЫМ, РЯДОМ СО ШКАФАМИ — ОНИ ДЕРЖАТ СТЕНЫ УТЕПЛЕННЫЕ И ДЕКОРИРОВАННЫЕ, СОЗДАЮТ ДОМ. В ДОМЕ ТРУБЫ, ВОКРУГ ДОМОВ ДОРОГИ СТЕЛЯТСЯ, РАЗВЯЗКИ РАЗВЯЗЫВАЮТСЯ, МОСТЫ ПЕРЕКИДЫВАЮТСЯ. ПОКОЙ.

ГДЕ ЧУВСТВО ТО, КОГДА ВОЗВРАЩАЕШЬСЯ В КОМНАТУ СВОЮ ДВА С ПОЛОВИНОЙ НА ЧЕТЫРЕ МЕТРА? КОГДА НА ВОКЗАЛЕ САДИШЬСЯ НА 535 ИЛИ 18+7; КОГДА НЕБО ОРАНЖЕВОЕ, ЖЕЛЕЗНОЕ, ВАТНОЕ.

ВСЕ УТЕКАЕТ, БОЛЬШЕ НЕТ НИКАКИХ ЧУВСТВ,
ТЫ НИКОГДА НЕ ВЕРНЕШЬСЯ ДОМОЙ.

ФИКСАЦИЯ

АРТЕМА БОЛЬШЕ НЕТ. ЛИЛИЯ УМЕРЛА. НАТАША НЕ ЩУРИТСЯ ОТ СОЛНЦА И НЕ ГРЫЗЕТ ЯБЛОКО. ЮРА, ГДЕ ЖЕ ЭТА РОТОНДА, ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ НАЙТИ ЕЕ? ДАША, МЫ ВСЕГДА ВСТРЕЧАЕМСЯ В МЕТРО. МИША: ЛЕД, КАМНИ, ПУТЬ, ТЕМНОТА.

ФИКСИРОВАННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, ФИКСИРОВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО, ФИКСИРОВАННАЯ РАМКА. ПЛАН — ЗАПЕЧАТЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ, МГНОВЕННАЯ РЕЗИНКА РОГАТКИ, КОТОРАЯ ОТБРАСЫВАЕТ В ТЕ САМЫЕ ДНИ: СТРАШНЫЕ, БОЛЕЗНЕННЫЕ, СТЫДНЫЕ, ХОЛОДНЫЕ, КТО ЗНАЕТ ЕЩЕ КАКИЕ?!

ВОТ, ГЛЯДИ: ДОРОГА СПУСКАЕТСЯ К ЗАЛИВУ. А ЭТО МЫ НА РЫНКЕ. ЭТО В ТАМБУРЕ ГДЕ-ТО МЕЖДУ КРАСНОПЕРЕКОПСКОМ И СИМФЕРОПОЛЕМ. ТУТ ЗАЦВЕЛА СТЕНА, А ТУТ ЛИСТЬЯ ЖЕЛТЫЕ, МЫ СЧАСТЛИВЫЕ. НУ ЖЕ, ВСПОМНИ: КАК ТОГДА БЫЛО?

ЭТА ФОТОТЕКА, ИНВЕНТАРИЗИРОВАННЫЕ ОБЛАСТИ ПАМЯТИ (ОДНИ ИЗ) ПОМОГАЮТ ПРОСНУТЬСЯ, НАЧАТЬ ДВИЖЕНИЕ, ПОЧУВСТВОВАТЬ, ВЕРНУТЬСЯ, НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ПОВТОРЯТЬ ОШИБОК ПРОШЛОГО.

ВЕДЬ ВСЕ ЗАПЕЧАТЛЕНО, ЗАФИКСИРОВАНО КАК СТУПНИ И РУКИ РАСПЯТОГО НА КРЕСТЕ РАЗБОЙНИКА — ОДНОГО ИЛИ ДРУГОГО.

АППАРАТ ФИКСАЦИИ ВЫЗЫВАЕТ РАЗДРАЖЕНИЕ, ЛИШЬ ОН ПОМОГАЕТ МНЕ ПОДБИРАТЬ НУЖНЫЕ СЛОВА В РАЗГОВОРЕ СО ВСЕМИ ВАМИ. СЛОВА СЛОЖНЫ, ДИСКРЕТНЫ, ИНОГДА И БЕЗОБРАЗНЫ: СТОЙ, СДЕЛАЙ, ДАЙ, ВЛЕВО, ВПРАВО, НАЗАД, ВПЕРЕД.

КОМАНДЫ ФИКСАЦИИ СОЗДАНЫ ЛИШЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБ СОБИРАТЬ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПУТЕШЕСТВИЙ, ДОКУМЕНТИРОВАТЬ, СКЛАДЫВАТЬ В РЯД, СОСТАВЛЯТЬ ПОЗИЦИЮ; ПРОБОВАТЬ, ИСЧЕЗАТЬ, ИЗМЕНЯТЬ, УБЕГАТЬ.

ЗАБЫВАТЬ, НЕ ЗАФИКСИРОВАВ.

СТОП-КРАН

ПЛОМБА, КРАСНАЯ РУЧКА; ЕГО ИМЯ.

ПРЯМОУГОЛЬНИК ВПЕЧАТЛЕНИЙ.

ДИАПАЗОН Tº: -55..+55. СЧ14, РУЧКА АК7; СРОК СЛУЖБЫ — 20 ЛЕТ, ГАРАНТИЙНЫЙ СРОК — 2 ГОДА.

ВЕРОЯТНОСТЬ ОСТАНОВКИ СОСТАВА: 0,99..1.

ЛЮБОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ — ОТ ТЕРРИКОНОВ ДО ЛУННЫХ КРАТЕРОВ — С НИМ В БЕЗОПАСНОСТИ, ОН БОГ.

СТРАХ ПЕРЕД ПРЕРЫВНОСТЬЮ, СТРАХ НАКАЗАНИЯ, ПРИЧИНЕНИЯ БОЛИ, НЕУДОБСТВ.

РАЗДОР В СУДЬБЫ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ ВНОСИТ ОПУЩЕННАЯ РУЧКА, СОРВАННАЯ ПЛОМБА. ЗАМКНУТЫЕ ПРОСТРАНСТВА — ОТЛИЧНЫЙ ЭФИР ДЛЯ МАНИПУЛЯЦИЙ ЛЮДЬМИ. ОГРАНИЧЕННОСТЬ В ИГРАХ С ПРОСТРАНСТВОМ-ВРЕМЕНЕМ, УПИРАЕТСЯ ВО ВСЕМОГУЩЕСТВО ЧЕРНОЙ ДЫРЫ ВАГОНА — ЭТОГО БЛЕСТЯЩЕГО И ПРЯМОУГОЛЬНОГО, ПОЧТИ ЖИВОГО И МАНЯЩЕГО. ЧТО ЕСЛИ, ЕСЛИ Я, ВСЕ НАЧНЕТСЯ С МЕНЯ?

ВЫНУЖДЕННАЯ ОСТАНОВКА УВЕЛИЧИВАЕТ КОЛИЧЕСТВО ЧАСТЕЙ ХАОСА.

НА БОКОВЫХ ПОЛКАХ Я ХРАНИТЕЛЬ; МОГУ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ НАРУШИТЬ ЛЮБОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ, НАДЕЮСЬ ЛИШЬ НА СЛЕПУЮ УДАЧУ.

ПУТЬ

ОХ УЖ ЭТИ КОНФЕТЫ! В ЗУБАХ ВЯЗНУТ: ГОЛУБЫЕ, ЗЕЛЕНЫЕ, КОРИЧНЕВЫЕ.

ВКУС ПРОСТО МММ. СВЕЖЕНЬКИЕ, СОЧНЕНЬКИЕ!

ВО ВСЕХ ГОРОДАХ И ГОРОДИШКАХ, НА ТЕРРИТОРИЯХ ФАБРИК И ЗАВОДОВ, В КАФЕ И БАРАХ, ВО ВСЕХ КОМНАТАХ С РАЗНОЙ МЕБЕЛЬЮ ПОКОЯТСЯ ИХ ТЕЛА, ИХ БЕЛАЯ КОЖА, СВЕЖИЕ СОКИ, ИХ ОПЫТ.

ТЫ СМОТРИШЬ: СЛАДОСТЬ ОСТАЕТСЯ НА ФИЛЬТРАХ ИХ СИГАРЕТ, КАК ТОНКИЕ ЛОДЫЖКИ РЕЖУТ ЗАГАЗОВАННЫЙ ВОЗДУХ, КАК РУКИ СЕКУТ ТЯЖЕЛОЕ ПРОСТРАНСТВО ПАРКОВ И НАБЕРЕЖНЫХ.

ТЫ ВЛЮБЛЯЕШЬСЯ В ОДИН МИГ, ЗАБЫВАЕШЬ УТРОМ, ДНЕМ СНОВА ОТПРАВЛЯЯСЬ В ПУТЬ.

ПРОПАСТЬ

МЫ ВИДЕЛИ ВСЕ: ТВОЮ ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ, РАЦИО И ЭМОЦИО, ЭРОС И ТАНАТОС. ПЕСОК И ЩЕБЕНЬ, АСФАЛЬТ И БЕТОН, ЛИНОЛЕУМ И ПАРКЕТ. ВОЗВРАЩЕНИЕ И ПРИБЫТИЕ. НИЖНИЕ ПОЛКИ ВАГОНОВ И ДВЕРИ ДОМОВ.

МЫ ФИКСИРОВАЛИСЬ НА ВОДУ И ВОЗДУХ, НАС ОБЛИЗЫВАЛИ СОЛНЦЕ И ЛУНА. ЛЮБОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА, ЛЮБАЯ МЕТАМОРФОЗА РЕАЛЬНОСТИ, ЛЮБАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ — МЫ.

ДО СВИДАНИЯ, Я КЛАДУ ВАС В ПАКЕТ, ДО СЛЕДУЮЩЕГО ЛЕТА, ДО ВСТРЕЧИ В НОВОМ ПОМЕЩЕНИИ, УВИДИМСЯ ГДЕ-ТО ТАМ, ДАЛЕКО, В НЕИЗВЕСТНОМ, НЕИЗБЕЖНОМ.

УВИДИМСЯ НА ПЛОЩАДЯХ, УЛИЦАХ, ПРОСПЕКТАХ, МОСТАХ. В ТРОЛЛЕЙБУСАХ И МАРШРУТКАХ, В БОГАТСТВЕ И БЕДНОСТИ, В БОЛЕЗНИ И ЗДРАВИИ. ПОКА ВОДА, КРЮК ИЛИ БОРДЮР НЕ РАЗЛУЧАТ НАС. АМЕН.

ПРОЩАЙ

Я ОТДАЮСЬ ЛЮБОЙ ДОРОГЕ. Я ПОГЛОЩАЮСЬ МАШИНАМИ, ПРОХОЖИМИ, ЗДАНИЯМИ, АСФАЛЬТОМ, ПЫЛЬЮ, ГАРЬЮ, ГЛАЗАМИ, ГУБАМИ, КОЖЕЙ, СТЕПЯМИ, ГОРАМИ, РЕКАМИ, ОЗЕРАМИ, МОРЯМИ, ЛЕСАМИ.

Я УХОЖУ ВДАЛЬ, ВГЛУБЬ, ВВЫСЬ, НАРУЖУ, ВЫВОРАЧИВАЮСЬ НАИЗНАНКУ, ПРОХОЖУ НАСКВОЗЬ.

СПЛЮ, ЕМ, БОЛТАЮ, ЗЛЮСЬ, СМЕЮСЬ, ВЫПИВАЮ, БРОЖУ, ЛЮБЛЮ, ЖИВУ, ПЛАЧУ, СТРАДАЮ.

Я В ДОРОГЕ?

Я СИЖУ У СВОЕГО ОКНА.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

ВЛАДЕЛЕЦ ЛЕЙБЛА **“QUINZE JOUR DE L’HIVER”** ПЁТР БОКАНОВСКИЙ РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ ТЯГЕ К СОБИРАТЕЛЬСТВУ И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЮ РЕДКИХ И СЕКРЕТНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ.

Не знаю, из-за чего, но с самого детства у меня тяга к собирательству. Я собирал почти всё подряд: фигурки из киндер сюрпризов, вкладыши из жвачек, наклейки, карманные календари, открытки... Словом, всякий хлам, который попадал мне на глаза и который можно систематизировать, но это было очень давно, в конце 90-х - начале 2000-х.

Через пару лет я подсел на всякий панк-рок и мазафаку. Покупал кассеты и диски с более или менее знакомыми мне названиями. Хорошо, что музыкальных магазинов в моём городе было мало и мне удавалось скупать практически всё, что находил на полках. Но больше всего меня радовали бутлеги. Чуть позже я попал в diy-панк среду, покупал диски с песнями, которые мне нравятся (на тот момент я уже не стремился покупать всё подряд). Но как-то раз, слушая музыку вконтактике, я случайно наткнулся на композицию, которую я не слышал, хотя полная дискография этой группы у меня была на носителях. И тут у меня возникла интересная идея: искать по

исполнителю вконтакте и качать записи с концертов, демки, другие варианты сведения. Другими словами — то, что не выпускалось на носителях и чего у меня нет.

Я качал из контакта, майспейса, ютюба, иногда что-то обнаруживал и на бендкемпе. В итоге я нашёл кучу одноимённых групп. Например, есть ещё один Tötentanz, Namatjira, Optimus Prime, Holy Rollers, Minaret. Этот список можно ещё долго продолжать. Потом я приобрёл относительно приличный диктофон и сам стал записывать концерты и репетиции, на которых бывал. Таким образом, я забил жёсткий диск объёмом 500GB почти под завязку.

Возможно, при прочтении данного текста, у тебя возникло ощущение того, что я кичусь своей «коллекцией». Может, я и доволен тем, что всё это собрал, ТОЛЬКО ВОТ ПОЧЕМУ: многие постсоветские панк группы весьма недолговечны и часто бывает, что они распадаются, отыграв один концерт, так ничего не выпустив. К сожалению, их идеи теряются, забываются крутые мелодии. Я гоняюсь именно за такими записями (хотя и дальше продолжаю покупать музыку на носителях). И, может быть, когда у меня будет чуть больше времени, чтоб эти записи отредактировать, — выложу их в бложек или паблик вконтакте. Может быть, найдутся подобные мне фрики, которые тоже поделятся своими коллекциями. Но сейчас, увы, абсолютно нет времени этим заниматься. На этом закончу. Всем панк-рока, мира и любви.

Восени 2014 року сімферопольській групі Memorials виповнилося п'ять років. Після анексії Криму учасники живуть у чотирьох різних містах, але це аж ніяк не заважає групі репетирувати і давати концерти. Більш того, зовсім недавно Memorials записали нові пісні, але вихід запису (як і його назву) тримають в секреті.

Ілюстрація: Жужа

SURVIVAL NOTES

ЧЕРНІВЕЦЬКИЙ МУЗИКАНТ **SASHA BOOLE** ПІДСУМОВУЄ ДОСЯГНЕННЯ 2014-ГО ТА БУДУЄ ПЛАНИ НА 2015 РІК.

За 2014 рік я зіграв понад 120 концертів в Україні, Молдові, Білорусі, Польщі та Німеччині. Встиг пограти ще в мирних Луганську та Донецьку, де, до речі, концерти пройшли далеко не найгіршим чином. Подеколи зібрати таку кількість людей та досягти такого рівня комунікації з аудиторією складніше на рідній Західній Україні.

Альбом "Survival Folk" вийшов на iTunes, деякі треки з нього потрапили на збірники закордонних лейблів. На пісню "Devil Got Too Much Business" зробили ремікс, який в купі з оригіналом вийшов на одному з найвпливовіших електронних лейблів — аргентинському Progrezo Records. Так що тепер навіть клаббери будуть знати Сашу Буля.

В Україні ще потрібен час, щоб люди розжували і зрозуміли фольк музику. В тій же Польщі і Німеччині мене подеколи сприймали набагато краще, ніж вдома. У нас більшість людей, які йдуть на концерти, чекають, щоб їх дивували, щоб було якесь шоу, фріки, кіч. Ми дорвалися до концертів і хочемо чогось екстраординарного. А там до цього ставляться спокійно. Вже надивилися. І тому достатньо з акустичною гітарою і гармошкою щиро виконувати свої пісні і їх це пре.

Хоча, судячи з фільмів, які вийшли цьогоріч і плануються до виходу у 2015-му, прогнозую у найближчі два роки невеличкий фольк бумчик в Україні. Тобто, це почне ставати модно. І з`являться хлопчики й дівчатка з акустичними гітарками, укулеле та гармошками. Щоправда, ще не знаю, добре це чи погано.

«КОНЦЕРТ МОЖЕ СТАТИ НЕЗАБУТНІМ ЧЕРЕЗ ЯКУСЬ ОДНУ ЛЮДИНУ В ЗАЛІ»

В європейському турі були різні пригоди. Дивна ситуація, коли на автобані твого концертного менеджера забирають лягаві через якісь проблеми з документами, а ти продовжуєш тур сам.

Усі концерти різняться між собою. По-перше, я не готую програму як

таку. Не пишу трек-листів. Я просто маю в арсеналі з три десятка пісень і вже по ходу вибудовую концерт. Він може тривати і годину, і дві з половиною. Я пригадую якісь історії, ділюсь ними з аудиторією. Історії — наше все. От і кожний концерт — абсолютно нова історія, більшість з яких я запам`ятовую. Проте, це не завжди веселі історії, бувають і складні концерти. Зазвичай, саме вони дуже втомлюють.

Звісно, запам`ятовуються або найкращі, або ж найгірші концерти. Хвалю Бога, що других можу перерахувати на пальцях однієї руки. А от хороших було багацько. Це може бути через специфіку місця, де граєш, через атмосферу. Подеколи це може бути незабутній концерт через якусь одну людину в залі. Інколи просто якось так зірки сходяться і кожний звук має унікальне забарвлення саме в цей вечір.

Щодо концертів у незвичних та нетипових місцях: по-перше, у таких місцях слухач поводить себе інакше. По-друге, поводжу себе інакше і я. А це дозволяє налагодити специфічну комунікацію, яку набагато складніше вибудувати у звичайному барі чи клубі. Мушу визнати також, що це ще й мій персональний фетиш. Я колекціоную незвичні концертні майданчики: кукурудзяне поле, костел, ріка, пік гори Хом`як тощо. Здається, поки в мене непогано виходить.

У не найкращі дні я запитую у самого себе «Для чого це все?». І думаю, що інакше я вже просто не можу. Для мене це як втікати від лавини на лижах. Можна зупинитися, лавина пройде. Може, й залишишся живим, але скаліченим.

«Я КОЛЕКЦІОНУЮ НЕЗВИЧНІ КОНЦЕРТНІ МАЙДАНЧИКИ: КУКУРУДЗЯНЕ ПОЛЕ, КОСТЕЛ, РІКА, ПІК ГОРИ ХОМ'ЯК ТОЩО»

Я люблю щось обіцяти в інтерв`ю, бо потім це додатковий стимул для праці. Так от, у 2015 році очікуйте від Саші Буля перші офіційні відео-роботи, реліз на вінілі та нові пісні. Планую вже з весни почати працювати над новим альбомом та гастролювати здебільшого за кордоном.

СММ

ГРУППУ **ЗОМБИКОПС** МОЖНО ПО ПРАВУ СЧИТАТЬ САМЫМИ УСПЕШНЫМИ СММ-ЩИКАМИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЦЕНЫ. ХОТЯ САМИ УЧАСТНИКИ ГРУППЫ ТАК НЕ ДУМАЮТ. МАКС ЧЕРЕПИЦА И ВИТАЛИЙ ДАРКФОЛК ДЕЛЯТСЯ ОПЫТОМ ПРОДВИЖЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ТУРОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ.

Макс Черепица: SMM — это social media marketing, продвижение, присутствие чего-нибудь в соц сетях, в нашем случае — панк группы. При этом, не скажу, что мы воспринимали свои туры и их продвижение, как СММ. Скорее, нам просто хотелось, чтобы люди заранее знали немножко про наши группы в туре. Вся активность в сети, таким образом, состояла из бложика на тумблере и группы вконтакте. В тумблр мы повесили интервью с каждой группой, фоток, описаний, ссылок на музыку. Это чтобы люди в городах заранее знали, что их ждет. А чтобы знали, как у нас дела по дороге, — мы пытались вести группу тура вконтакте уже в пути.

Надо сказать, что если сделать что-то ДО тура, в частности тумблр — это довольно просто, то вот в дороге я опять пытался и не смог. Уже второй раз так — поскольку организационные вопросы тоже

на мне и еще хочется по пути успевать кайфовать и спать, набирать в вэне в маленький экран телефона посты в какой-то момент ты не в силах, а потом сложно себя догнать. Предполагаю, что надо попробовать вахтовый метод ведения или набирать посты с ноута.

Виталий Даркфолк: Начнем с того, что я совершенно не знаю предмета. То есть мне неведом алгоритм такого явления, как СММ, и разбираться, признаюсь честно, лень. Примерно представляю цель, куда эта ерунда направлена, так же схематично представляю некий профит, но совсем нет даже капли интереса узнавать больше. Это какая-то работа в интернете, в процессе которой бабки приходят из воздуха за счет рекламы и хайпа.

Но волею судеб с этой лабудой рабочими узами связаны важные мне люди. Один из тех, кто в этой теме профессионально, с карьерой и все дела, — Антоха Грибодеев — тольяттинский панк-рокер, мигрировавший в СПб. Достаточно приятный и положительный товарищ, чтобы упомянуть его в этом контексте, даже не принимая в счет, то о чем я скажу сейчас. К сожалению, есть кое-что и о нем поактуальнее. Некоторое время назад Антон по несчастному случаю попал в беду, был обездвижен. По счастью, сейчас, с присущим ему толком и напором, парень ведет борьбу за собственное здоровье, вернувшись на родину. Есть много историй, где ребята из панк-рока в беде, моей сегодня станет эта. Вот группа поддержки: **vk.com/club73346316**.

Возвращаясь к туру, мы не самая известная и популярная панк группа отечества. Несомненно, за годы, неуклонно стремящиеся к пугающим цифрам, мы обросли базой друзей и фэнов, но это все равно очень маленькая величина и жанрово, и профессионально.

«РЕКЛАМА – ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ, ШОУ-БИЗНЕС – ЭТО ТОРГОВЛЯ, ДИАЙВАЙ ПАНК-РОК – ЭТО ВО МНОГОМ ШОУ-БИЗНЕС С МАЛЕНЬКИМИ БАБКАМИ»

Реклама — двигатель торговли, шоу-бизнес — это торговля, диайвай панк-рок — это во многом шоу-бизнес с маленькими бабками, очевидные же вещи. На наш взгляд, есть соль в наше широкополосное время неистово использовать сеть как ресурс прямой и доступной информации. Поэтому, после первого тура с группой Deti Doski, собираясь во второй с Phooey! и Пашей Мятным, мы сделали отдельную группу в вк, в которой скоординировали презент-пак информации о нас и других участниках тура: фотки, видео, музло, мерч, плюс инфо о группе

и веское по содержанию, актуальное по дате интервью. Также выстроили нехитрый порядок ссылок на встречи вк шоу на местах, ну и постили ленивый тур дневник, почти всегда в благостном туристическом тоне Максима. Репостили в основном туда-сюда. За принцип взята информативность, доступность информации. Схожую ебалу мы проделали и на сервисе тумблр, ввиду возможностей которого смогли сделать все это, на наш взгляд, чуточку приятней в плане дизайна. Ну и тумблр проще гуглится. То, что мы вещали в инстаграм — это уже чисто туризм.

МЧ: Все так или иначе делают встречи концертов, кто-нибудь делает интервью тоже, потом пилят тур-репорты. Это все есть, это не ново. Кстати, да, одна из плюшек предтурового тумблера — у организаторов, считай, есть готовый пресс-кит для регулярного постинга во встречи канциков — в понедельник постишь описание группы, в пятницу — интервью с ними, люди видят посты в ленте регулярно, самому ничего писать не надо — красота!

ВД: Мы делали это все походя, при возможности, ни разу не в режиме обязаловки, руководствуясь в первую очередь только правилами хорошего тона и соображениями этой мелкой коммерции. Основным голосом и глазами двух последних туров был Максим. Но идея, по-моему, все-таки моя.

МЧ: Скорее всего да, идея пришла к Витольду, и он как раз выполнял

роль напоминалки постоянной и пинал меня и других ребят вынырнуть из рутины будней и подгот овить интервьюшки, предвкушая кайф будущей поездки.

На ходу в туре, как я и говорил, обновлять соцсети тяжко, потому что постоянно отвлекаешься. И вообще в туре как раз одна из самых важных и мощных тем — это сосредточиться на переживании момента, поэтому в монитор пялиться не хочется.

О сосцетях и о технологиях нужно при этом постоянно помнить и глаз да глаз за ними — то гугл про нас знает слишком много, то государство хочет отобрать у нас Интернет. Это уже важная часть жизни, никуда не денешься.

По поводу наполнения и исполнения, если кому-то захочется затеяться с этим именно в туре — сразу, просто на берегу, договоритесь, кто всем будет заниматься.

ВД: Мне лень оценивать успешность нашего т.н. СММ, но, кажется, что не смотря на вложенные усилия, аншлаги все же были не так часто, как хотелось бы. Даже в городах, богатых традициями чтения и критики.

МЧ: Сейчас много разговоров о метриках, и это очень крутая штука. Уже в полной мере хайповой темой можно считать т.н. big data. Думаю, сообразительные ребята собирают горы данных, а потом очень круто их обрабатывают, делают выводы, корректируют поведение и так далее.

Но мы при этом ни за какими метриками не следили. Я даже за количеством подписчиков не следил, за лайками постов даже не следил, лол. Да и в случае с панк группой это не очень имеет смысл. Тут если и запариваться, то по той части, что нагнать людей во встречи в городах, используя данные всякие и умную рекламу с таргетингом, но у меня рука не поднимается на такое, я до сих пор вручную каждого приглашаю на концерты, которые делаю.

«МЫ ВСЕГДА ЛЮБИЛИ ВКУСНЫЕ НАЗВАНИЯ И СЛОГАНЫ, НАПРИМЕР ЗАГЛАВИЕ ТУРА «МЫ ОПЯТЬ ПРИВЕЗЛИ ДЕБИЛОВ» И ПРОЧИЙ ЗОМБИКОПС-СЛЭНГ»

Наш опыт я считаю неудачным прежде всего потому, что стыдно, что бросил на середине дороги постить отчеты о городах — раз. И то, что за оба тура до сих пор не подготовил тур-репорты, в том числе видео, которое сам добровольно на себя взвалил, — два.

ВД: Название нашего недавнего тура «Как называется эта стра-

на» — закоубленный фрагмент из видоса уебищно гадливого вороватого журнала Vice. Какой-то репортаж о глубинке России: гопы, гараж, Юра Хой, водочка вкусная. Есть свой пугающий меткий шарм, к сожалению, к нашей стране, как и к многим другим на земном шаре, имеющий самое близкое отношение. Ребята из Золы и Бонг Рипс выбрали его, угорая в общетуровом чате, а лично мы с Максом всегда любили вкусные названия и слоганы, пример тому заглавие тура 2013 года «Мы опять привезли дебилов» и прочий зомбикопс-слэнг.

Каждый раз, когда едем в тур, я волей-неволей вспоминаю слово «этнография». Я очень счастлив, что панк дал мне возможность не просто попутешествовать по нашей разнообразной стране, но и устроил так, что нас в каждом городе встречали интересные люди. Ты круто в такие моменты понимаешь, какая страна разная, какой каждый город разный, как это на самом деле, в принципе, всего лишь твое восприятие за счет людей, которых ты встречаешь там, но это все прекрасно и интересно.

«У ОРГАНИЗАТОРОВ ЕСТЬ ГОТОВЫЙ ПРЕСС-КИТ ДЛЯ РЕГУЛЯРНОГО ПОСТИНГА ВО ВСТРЕЧИ КАНЦИКОВ. САМОМУ НИЧЕГО ПИСАТЬ НЕ НАДО – КРАСОТА!»

Любое подобное путешествие — достаточно тесный контакт с той или иной стороной родины, ее мифологией и реальностью. Российской мечты у меня нет, так уж вышло. Два тезиса могу сказать уверенно: ландшафты — это мистика и, к несчастью, подобный опыт диалога с разной, а не единой, Россией, большинству моих соотечественников не знаком. Казалось бы, нужно радоваться — какой я везунчик, но настроения в обществе людей, видевших хоть бы так эпизодично, как я, были бы куда здоровей и разряженнее, чем сейчас.

МЧ: Название действительно взято из меметичного ролика.

ВД: Желаем всем мирного неба над головой. Остальной мануал пусть так же озвучит Максим Черепицццццааа.

МЧ: Мысль простая — соцсети, несмотря на то, что выглядят они, как веб-странички с кнопочками, текстом и картинками у нас на экранах — это всего лишь один из способов общения. Когда вы поедете в тур, вы сами поймете, как вам захочется рассказать об этом, кому, каким образом и в каких соцсетях. Желаю всем, чтобы Интернет оставался нашим, это такое уточнение к мирному небу от Витольда. Лав, пис.

хочу більше свободи!

КРЫМ ИХ

КРЫМЧАНЕ, ПЕРЕЕХАВШИЕ НА МАТЕРИКОВУЮ ЧАСТЬ УКРАИНЫ ПОСЛЕ АННЕКСИИ ПОЛУОСТРОВА РОССИЕЙ, РАССКАЗЫВАЮТ О ПРИЧИНАХ СВОЕГО ОТЪЕЗДА, НЫНЕШНЕЙ ЖИЗНИ И О ТОМ, ЧТО ОНИ ОСТАВИЛИ В КРЫМУ.

Георгий Стуруа

Мне 30 лет, я из Севастополя, сейчас живу в Киеве. Из Крыма выехал 21-го февраля 2014 года. Переезд связан с событиями на Майдане – то есть я ехал «куда», а не «откуда». Через несколько дней в Крыму появились неподконтрольные обществу, вооруженные автоматами и бронетехникой формирования – я принял решение не возвращаться: в Крыму должны были начаться события, которые сейчас мы наблюдаем на востоке страны. И наблюдаем потому, что в свое время в Крыму не увидели: вот тогда бы я вернулся.

Что изменилось в Крыму? Пусть расскажут оставшиеся на полуострове, но когда ко мне приезжают крымские родственники, первым делом они устремляются в банки, аптеки и магазины. Можно представить вектор изменений – это банальный регресс. Ну и однозначно усилились конфликтность и нетерпимость, разросся репрессивный аппарат.

Государство считает меня вынужденным переселенцем, я не против. В соответствующие органы я обратился только за бумажкой без печати – дескать, я переселенец, и все такое. Нигде ее не использовал, обеспечиваю себя самостоятельно. Да, можно процесс переезда назвать внутренней миграцией.

Мой переезд никак не повлиял на род деятельности: все мои проекты – в интернете. Изменился только психоэмоциональный фон: не так уж приятно покидать родные места по причине глубинного идиотизма кремлевской верхушки и ряда граждан.

У меня достаточно друзей и знакомых в Киеве, появляются и новые контакты... Трудно ли? Печени иногда.

Отчаянно не хватает родной природы, в крымчанах я разочаровался давно – мало кто смог отринуть суеверное почитание авторитетов, навязанное родителями и обществом. Удивительное нежелание эволюционировать и попросту расти.

В случае эскалации конфликта Кремлем нужно дождаться попутного ветра, взорвать все АЭС, и в оставшееся время изнасиловать по максимуму русских младенцев... Ну ладно-ладно, какие, на хрен, планы? Жить, творить, защищать прогресс от варваров.

Павел

Я родился и жил в Симферополе, мне 29 лет, в данный момент живу в Одессе. Я переехал в первых числах апреля, если быть точным, то 9-го числа.

Приход РФ в Крым только активизировал мои давние мысли о переезде в более развитые регионы страны, послужил катализатором, так скажем... Поэтому я себя не считаю беженцем, а рассматриваю это как новую возможность для себя.

«Я ЕХАЛ "КУДА", А НЕ "ОТКУДА"»

Насколько мне известно, сложившаяся ситуация на полуострове, выезд граждан с мест постоянного проживания в большей степени их личный выбор, то есть «от греха подальше».

Переезд дался относительно легко, и каких-либо проблем не получилось встретить, мне помогали мои друзья. Наверное, поэтому

все прошло легко и непринужденно. В остальном вопросы жилья и прочего также решил самостоятельно, не прибегая к помощи организаций и правительства.

Раньше я работал в провайдерской компании, и по приезду в Одессу даже сходил на пару собеседований на вакансии в подобной сфере, но в последний момент нашел вакансию в фирме, работа которой связанна с прокатом звукового оборудования – грязная сторона шоу-бизнеса. Я давно испытываю нежную привязанность ко всему, что связанно с музыкальной аппаратурой, так что это и определило мой выбор.

Мне нетяжело заводить новые знакомства, легко и непринужденно веду беседы о погоде и на другие светские темы. Поэтому проблемы нахождения новых контактов нет.

Мне не хватает вида родных ланд шафтов, скал и гор.

Я надеюсь, что скоро наступит мир в нашей стране, и это будет отправной точкой для моих грез.

Константин

Мне 28 лет, сам из восточной части Крыма, но последние 5 лет жил в Севастополе. Сейчас живу в Киеве. Из Крыма окончательно уехал 30 июня.

Уехал, потому что мне неприятно жить на территории, где большинство окружающих тебя людей поддерживают и радуются наглому захвату территории. Также мне не нравится империалистическая совковая политика, проводимая последнее время в России. К беженцам себя не отношу, скорее к переселенцам.

Переехать было не очень трудно. С особыми проблемами не столкнулся, единственное, были небольшие неудобства пока квартиру не нашел. Все делал сам, за помощью не обращался.

Я работаю удаленно в IT-компании, тут переезд никак не повлиял.

В Киеве у меня достаточно знакомых, с этим проблем нет.

В Крыму остались родители и друзья, море, в конце концов.

Сложно что-то прогнозировать сейчас. Будем надеяться на лучшее. Пока главное, чтобы война закончилась.

Анастасия

Мне 22 года. Увы, больше не могу рассказать ничего о себе из общей информации. Из Крыма уехала в конце марта.

К беженцам себя не отношу. Уехала из политических соображений. Жить на оккупированной территории, на которой, к тому же, сейчас репрессируют несогласных с российской политикой, считаю невозможным для себя. Что изменилось – лучше спросить у тех, кто пробыл там большее количество времени после так называемого «присоединения». Друзья, оставшиеся в Крыму, говорят, что цены выше, есть дефицит определенных товаров, много приезжих из России, уровень безработицы выше, репрессии, опять-таки. Военная техника на улицах и непрекращающаяся путинская пропаганда.

Одна из таких причин, по которой люди покидают Крым, – «подальше от ФСБ и Лефортово», другая – «подальше от сумасшедшего российского милитаризма», третья – «подальше от оккупантов» и т.д.

Конечно, все было непросто. Мне пришлось бросить дом, семью, работу, университет, друзей. Любимые улицы, в конце концов, кошку. Морально тяжело оставлять дом, зная, что ты его больше не увидишь таким, с которым связаны все твои прекрасные воспоминания.

Не было проблем особо, никуда не обращалась. Только однажды один сумасшедший в магазине, увидев на моей сумке принт с надписью «Крым», стал орать, что я путинская подстилка, и спрашивать, хорошо ли мне теперь живется. Все остальные посетители извинились

передо мной за его неадекватное поведение.

Я была ассистентом Олега Сенцова. Конечно, сейчас многое изменилось.

Скучаю по своей семье, друзьям, дому, кошке. По моему Крыму, а не «их».

Алексей Коротуненко

Мне 26 лет, родился я в городе Севастополе, там и жил вплоть до аннексии Крыма. Сейчас проживаю в Голосеевском районе города Киева. Из Крыма я уехал спустя неделю после так называемого референдума, если не ошибаюсь 22 марта.

Причин для моего переезда уйма: в первую очередь, я русофоб, и ввиду своих прозападных взглядов с презрением отношусь к русской псевдоморфной культуре, рабскому способу жизни российских граждан, ненавижу их государственную парадигму, которая являет собой сплав православия с коммунизмом. Во-вторых, после того, как русские военные захватили крымский парламент, начало творится что-то невообразимое, с самых глубин социального дна поперла такая гнида, не передать словами, причем все эти люмпены обличили себя властью правоохранительных органов. В общем, теперь каждый синяк или бомжара мог потребовать предъявить ему документы или обыскать твои вещи. И это лишь малая часть всего того кошмара, что там творился: блокирование воинских частей, разгоны проукраинских митингов, похищение людей, словом, жить там стало невозможно.

Беженцем я себя не считаю, скорее временным переселенцем, так как во мне все же теплится надежда, что Крым вернется Украине.

Я бы не стал сравнивать нынешнюю ситуацию с депортацией крымских татар, сейчас никто никого не забивал прикладами автоматов в вагоны, но это не означает, что россияне ведут себя менее по-скотски.

Переезд у меня особых трудностей не вызвал, вещей у меня не много, да и ехать было куда.

Первые два месяца я прожил у своих друзей в Ирпене, а потом снял квартиру. Я не обращался за помощью к государству или волонтерским организациям, лишь стал на учет в Минсоцполитики.

В Крыму я работал программистом производственного оборудования, в частности металлорежущих станков и подрабатывал на всяких интернет стартапах понемногу. Сейчас занимаюсь плазменной резкой на одном киевском предприятии и так же подрабатываю в интернете.

Знакомиться с людьми для меня совершенно не составляет труда, я весьма коммуникабельный, хотя и предпочитаю одиночество шумным компаниям.

Единственное, за чем я скучаю в Крыму, – это море и ландшафты, пожалуй, это первый год в моей жизни, когда я не был на море. Люди там скоты за исключением пары человек, которые, надеюсь, скоро сюда переедут.

В ближайшее время планирую постараться убедить родных переехать на материковую Украину. Что же касается меня, жизнь, вроде, понемногу налаживается и входит в обыденное русло.

Женя Свищёв

Мне 23 года, родина – Крым, город Симферополь, сейчас живу во Львове. Покинул Крым в связи с переездом почти два месяца назад.

Я не беженец. Беженец – это тот, кто покидает свой дом в связи с началом боевых действий, репрессий – я же не чувствовал ни того, ни другого. Мой переезд связан, скорее, с нежеланием – моральным, духовным – смириться с новым существующим порядком у меня дома. Один мой знакомый сказал: «Жить в Крыму и теперь можно, но придётся быть терпилой, а если хочешь всё оставить, как было, уезжай». Он отчасти прав: если ты социальный активист или просто житель с открытой гражданской позицией и не намерен её скрывать, оставаться в Крыму, не то чтобы опасно, а мерзко и некомфортно. Это что-то вроде фильма про зомби.

Что изменилось? Смотря о каких вещах говорить. Цены на ВСЁ, конечно, вымахали значительно, но это обычно в первую очередь интересует мещан и крестьян. Это главный аргумент в спорах о Крыме, но мне почти плевать на рост цен. Меня больше волнует этичная часть вопроса: с кем рядом я жил всю свою жизнь? С кем я ездил в общественном транспорте и стоял в очередях в кассах? Прекрасно даю себе отчёт, что нельзя делить лю-

дей, я и не делаю этого, не называю никого ни плохим, ни хорошим, но и оправдать происшедшее не могу. Это последствия тотальной узколобости и нежелания обучаться и развиваться ещё в подростковом возрасте. Это не касается всех. У многих была взвешенная позиция и аргументы в пользу России, но в большинстве случаев я слышал: «ты провокатор и фашист, путин спаси!». Вот о чём я.

Я бы не стал сравнивать последние события с советскими депортациями. Это совсем из разных серий. Что касается сегодняшней эмиграции, она интеллектуальная, она, отчасти, диссидентская. Уезжают из Крыма в основном люди творческие, активные, образованные. Это не 100% статистика, а всего лишь моё наблюдение.

Как настоящий панк-рокер я всё делал сам! Это шутка. На самом деле никаких принципов, просто так совпало – помощи каких-либо органов не потребовалось. Проблем также не было, только небольшие трудности с отправкой вещей (не личных, а оборудование и материалы мастерской и лейбла). Но всё решилось. Если бы я сделал все на пару дней позже, всё осталось бы на полуострове, так как транспортные компании прекратили возить в Крым/из Крыма сразу после моего переезда.

В Крыму играл в двух группах, делал лейбл и содержал такое место, как RUINS DIY SPACE, может, кто-нибудь из читателей слышал о нём или даже бывал там. И ещё у меня была подработка в одной местной газете дизайнером. Род деятельности на новом месте менять не планирую. Но пока что рано говорить об этом, я только обживаюсь и строю планы. Что будет с группами, пока неясно.

«ОДНАЖДЫ ОДИН СУМАСШЕДШИЙ В МАГАЗИНЕ, УВИДЕВ НА МОЕЙ СУМКЕ НАДПИСЬ "КРЫМ", СТАЛ ОРАТЬ, ЧТО Я ПУТИНСКАЯ ПОДСТИЛКА. ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ ИЗВИНИЛИСЬ ПЕРЕДО МНОЙ ЗА ЕГО НЕАДЕКВАТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

Мы все в разных городах теперь, но определённые планы уже есть.

В Крыму больше всего я любил горы, недалеко от моего нового места проживания тоже есть горы, но я пока что не осмелился с ними познакомиться.

Знакомых везде хватает, и мне нравится находить контакт с местным населением. После весенне-летнего Крыма здесь все кажутся капельку добрее и

более открытыми. Посмотрим, как будет дальше.

Пока что не скучаю ни по чему. Наоборот, очень рад, что не нахожусь там сейчас. Но это связанно с моей экспрессивной и резкой натурой. Позже я, конечно, скажу иначе.

Сложно прогнозировать, но мне кажется, что всё будет хорошо, потому что слишком много плохого произошло за последнее время. И, думаю, что Крым рано или поздно вернётся в состав Украины, это было бы вполне логично.

Дима Phase

18 лет. Из Симферополя, сейчас живу в Харькове. Я выехал из Крыма где-то 7 месяцев назад.

Я бы в любом случае рано или поздно уехал бы из Симферополя, сколько себя помню, я не особо был впечатлен самим городом, любил просторы, любил людей, любил родные места.

Изменилось многое, от цен до людей. Многие стали не по здоровому неадекватны. К беженцам я себя не отношу, потому что переехал бы в любом случае, просто тогда я решил, что время пришло именно сейчас, и потом я бы вряд ли куда-то выбрался. Так что у меня все стало на свои места.

Было абсолютно не сложно переехать, вернее, я думал, что будет сложнее. Все делалось своими силами: я отчислился из вуза в Симферополе и перевелся в вуз в Харькове, жил у родственников, потом переехал в общежитие при вузе. Проблемы, с которыми удалось столкнуться, – это одиночество в большом городе и эйфория от всего нового, которая сначала радовала, а потом перестала удивлять.

В Крыму я занимался рисованием, делал стикеры, постеры, рисовал для разных музыкальных групп, зинов, делал афиши на локальные концерты, печатал линогравюру, делал трафареты и всякий другой творческий d.i.y. Переезд только улучшил все, потому что в Харькове намного больше возможностей для меня и моей профессии, в Харькове множество курсов, мастер-классов для дизайнеров, здесь я узнаю больше нового, развиваюсь

и стараюсь как можно больше работать в своей сфере.

Мне всегда было трудно заводить новые знакомства. В Харькове мне довольно одиноко, потому что трудно найти себе сразу же друзей или знакомых, поэтому очень часто скучаю по своему привычному кругу общения, по близким друзьям, родным, однокурсникам и т.д. Но, во всяком случае, у меня так получается, что вокруг меня очень положительно настроенные люди и мне с ними довольно легко.

Мне очень не хватает знакомых лиц, не хватает привычных мест, не хватает природы, тепла, духа.

Дальше планирую развиваться, развиваться, развиваться. Прослушать все возможные мастер-классы, пройти все возможные курсы, нарисовать для всех возможных групп, галерей, брендов, журналов, компаний и т.д. изучать иллюстрацию, дизайн, рекламу. Работать над собой, развивать свои проекты, делать круче и круче. Путешествовать, найти свою Рамону, окончательно бросить курить, поступить в академию и скромно завоевать мир и космические просторы.

Записал: Юрий Бондарчук

CHANGING THE COUNTRY, WE APOLOGIZE FOR THE INCONVENIENCE: A UKRAINE TOUR DIARY, PART ZERO

AMERICAN MUSICIAN FRANZ M
SHARES A PART OF HIS UKRA
DESCRIBING THE TIME SPENT
AND VERKHOVYNA.

The old folks in the courtyard outside our apartment in L'viv (whose numbers were chalked on the doors, as if the building, and presumably the same doors, hadn't been there for a hundred years) hollered between balconies about the end of the world. "It feels like it's already started," one said. But this is the kvetching of pensioners and drunks who sit on folding chairs in the shade. Meanwhile, the rest of the city is on cobblestone promenade. L'viv feels like any small European city—Zagreb, or Bratislava—in high tourist season (though most of the tourists seem to be from elsewhere in Ukraine). Cafes are open and spilling into the streets, sharing tables; teenagers hold an impromptu jam session on an upright piano, painted the cyan and yellow of the flag, as a crowd claps along. A gang of crusty punks with, improbably, a mariachi bass, attempt a klezmer song on accordion. An eight-year-old girl in a skinned-Muppet vest sawed on a violin. From a distance, she sounded like a prodigy; up close, one realized she'd been handed an instrument and told, "Just

NICOLAY
NIAN DIARY
IN LVIV, UNIZH

move your fingers as fast as you can." In the market, vendors hawked the ubiquitous Putin doormats and toilet paper, and boxer briefs printed to look like jean shorts with a hundred-dollar bill stuffed in the pocket. The promenade of short skirts and vertiginous, architectural heels, banished from central Kyiv by the tent city, is on full, peacocking parade. And the pops I heard at midnight were fireworks, not gunshots.

But we weren't staying in L'viv, not yet. We rented a car and headed south toward the Carpathian Mountains and the long-running Artpole Festival. After several years in the small town of Sheshory, the festival had been shunted by noise-and-nuisance complaints into a river canyon by the flyspeck hamlet of Unizh. We had some rudimentary verbal directions, but it couldn't be found on the road map.

The road from L'viv was lined with billboards rented alternately for birthday wishes, thanks to the Ukrainian people from the new president Poroshenko, ads for the unfortunately-named Brokbusinessbank, and solicitations from the government: "Support The Army."

We passed the university town of Ivano-Frankivsk and the land widened into farming villages and then low, forested hills. The walls around a schoolyard were embedded with old wagon wheels. A policeman waved us down, but only to ask if we could give his buddy ten miles down the road a ride.

We stopped for dinner at a Bavarian-style roadside tavern. "These people are creepy," said Maria of the silent, blond barmaid and waitress.

"They run an empty restaurant in the middle of nowhere," I said. "I'd get creepy too."

"L'VIV FEELS LIKE ANY SMALL EUROPEAN CITY IN HIGH TOURIST SEASON (THOUGH MOST OF THE TOURISTS SEEM TO BE FROM ELSEWHERE IN UKRAINE) "

She looked me over. "You would. I believe that."

"The bridge over the Dniester is in a catastrophic state," said the sign, accurately. The bridge's roadbed was loose wood planks. They rattled and creaked as we drove over them into the town of Luka, a mix of hulking wrecks of old buildings and fresh construction, chickens and cornfields. A gigantic harvesting tractor, painted in bright colors, sat parked halfway through a gate. The road forked.

"Excuse me, which way to Unizh?" Maria asked a farmer. He waved to the right.

The road faded into dirt, then narrowed to a single lane, then disintegrated into potholes so deep we may as well have been driving down a dry riverbed. We slowed to a crawl, and battered the rental car's undercarriage. The fields disappeared behind a kind of fence of Queen Anne's lace and tall pines, and then a dense forest broken only by an occasional logging trail.

"Are we still on the map?" asked Maria.

After about a half-hour, a Jeep appeared from the opposite direction, and waved us down. Four men, young and festival-bound, were equally lost. A Hitchcockian cloud of mosquitos swarmed the open windows. We decided to caravan a bit farther, and the forest cleared, and eventually we came to the depopulated festival gates.

The grounds were spectacular: a sprawling farm on a river canyon, the cliff walls a backdrop for the main stage. "It's the Grand Canyon of the Dniester," said our friend Ostap, whose group had just played. A campground had sprung up behind the stage, and village women set out tarps covered with fried bread and fruit in between the mushrooming tents.

The attendees, though, were underwhelming and underwhelmed. There was a grouchiness in the air, that kind of sour-faced solipsism that can affect nouveau-hippies and travelers (or hipsters of any persuasion) when, after days and weeks of anticipation of an obscure pleasure, they arrive and find only more of their own kind, each looking around, waiting for the other to manifest the extraordinary experience. The festival had been kept deliberately small, the organizers feeling that in a time of war, it was a time for community rather than raucous concerts. People from the east (where a corresponding festival had been held earlier in the summer) were admitted free. But you need people for a community, and music for a festival; and the two hundred or so who had found their way to the remote location were wet, tired, and needed someone, someone else, to kick off the community-building—or, at least, the fun.

And yet transcendent moments do happen, after all. The crusties I'd seen in L'viv turned up, turned out to be Americans[1] (the owner of the mariachi bass a friend of mine from years before, when he was in the gypsy-punk trio Luminescent Orchestrii) and took it upon themselves to play under the bar pavilion. They closed with a rousing rendition of a song called "Shoplift From Tesco." A Hutsul ensemble was driven indoors by rain, to the cement-floored barn which had been serving as a makeshift camera obscura, but picked up where they'd left off mid-song. The rainy humidity mixed with the sweat of a hundred people, now concentrated under a low ceiling instead of dissipating in the river valley. A local *baba* stepped up to the band and sang along, then grabbed our daughter, one-year-old Lesia, to join the circle dance which had broken out. It was a proper basement-show party. (The Hutsuls drove home after the show, they told us later. They got home at 5 a.m. but were woken up at 10 by a neighbor telling them their pig was in the woods.)

Outside, the rain had cleared, and the moon risen. A Crimean Tatar trio was set up on a low stage in the foundation of a collapsed barn. A bank of fog rolled down the river, and someone fixed it in a spotlight. Crimea, of course, had been annexed by Russia months before with the kind of peremptory petulance that made one suspect Putin had a nagging aunt with a bungalow in Kerch. Dancers climbed the roofless parapets of the barn in the moonlight, and a pair in the crowd raised the Tatar flag. The band played to the hipster-nationalist crowd—Ukrainian trident tattoos and horn-rimmed glasses, red-and-black nationalist flag patches—closing with an impassioned sing-a-long of the Ukrainian national anthem[2]. The organizer of

1 Rail Yard Ghosts: "a 15 or 16 person collective; we're trying to raise money to bring everyone over here to bring American folk-punk to Europe."

2 It's the one, I will always think, that sounds like the "field and fountain" bit of "We Three Kings."

the festival, a young woman sitting cross-legged on a speaker, wept.

It is a lie that the rooster crows at sunrise. The rooster crows when he pleases—in this case 4 a.m., which wakes me in time to hear the tell-tale trickle of a man urinating against the side of the building beneath my window. Feeling ourselves a bit too old and weighted down for festival camping, we'd organized to stay in the village of Unizh proper, a hamlet whose population numbered in the low dozens, with a church and a small slab of war memorial. The few houses had snub-nosed gables, the endpoints of their roofs chopped at forty-five degrees for some obscure architectural purpose. Rotting picket fences paraded ornate and freshly-painted metal gates. They huddled along a rutted lane hugged by the riverside greenery, lush with an unbounded, over-full fertility.

Our muddy compound—two houses, a pig sty, a shed for the cows, a roost for the chickens, shoebox-sized rabbit cages, an outhouse—is ruled by a toothless old woman in wool stockings and a kerchief, who wielded power with a long wooden stick. The baba stomps around the compound in purple slippers, scattering cornmeal for the chickens, bent at the waist grating green apples for the pigs, gathering a wheelbarrow full of beet greens for the chickens and guinea hens. Her bottom jaw is a meaty ribbon of unbroken gumline, and she stuffs a ball of fried dough in her cheek like a chaw. She grabbed the cat by its jawbone in her wide, rough paw, and swatted it as she threw it out of the house. Her husband, grizzled and skeletal, is confined to the house, and terminally ill.

Our daughter took to her like calf to cow, and ran to her, arms stretched wide. "A gypsy girl," the baba boomed, "she'll go to anyone!" She smacked the rooster out of the way with her stick and grabbed a fat rabbit by the ears to show a fascinated Lesia.

Her daughter-in-law Elena is our hostess; she and her husband and nine-year-old son are staying in the village for the summer. The dark man I'd taken for a Romanian farmhand is the baba's other son—"a disappointment," she says, loud and firm, a drunk who sleeps in a makeshift bed outdoors under a beer-garden tent. Elena, who calls me "Ferencz" (a Hungarianized version of my name) has a

«"THESE PEOPLE ARE CREEPY," SAID MARIA OF THE SILENT, BLOND BARMAID AND WAITRESS.

"THEY RUN AN EMPTY RESTAURANT IN THE MIDDLE OF NOWHERE," I SAID. "I'D GET CREEPY TOO."»

sun-ravaged back and the neutral, sexless fleshiness of a middle-aged mother in rubber shoes and a house dress. Her parents, only in their fifties, had been crippled in a car accident: a young man tried to pass three cars and a bus. He was left with only an elbow injury; they would never walk again. Elena, she said, was struck dumb for three months afterwards.

This village, says Maria, has everything: the ebullient baba, the dying grandfather, the sullen drunk, the hot young thing—a cousin—in incongruously fashionable and revealing outfits, who spends most of her time on her phone. Our room is hers, with bubblegum-pink walls and a choking smell of mold. Next to a noseless stuffed dog, someone else's wedding picture, blown up to poster dimensions, leans against the wall. The outhouse, the last stop past the pigpen on the way uphill to the fields, locked with hammered iron hooks, was lined with vinyl wallpaper, had a clean, cushioned seat, and was as ventilated and odorless as any such building whose central receptacle was a white, thirty-gallon bucket could reasonably be expected to be.

A filthy duck, its white feathers soggy and fouled with muck, squeaked its frustration at the gate which had closed before it and squirted a stream from its cloaca like tobacco juice. One of its feet was deformed, and the baba had wrapped a rag around it to soften its limp. The river was tropically ponderous with effluent runoff after the previous day's storm. Maria and Lesia had gone to bed, but I was stopped on the steps by Elena's husband. He's my age, and installs radiators in Ivano-Frankivsk. He has been the one who seems struck dumb, in contrast to his wife's fluty chatter, but after the women have gone to bed, he feels comfortable enough to approach, brandishing a liter of beer and an unmarked flask. It's *samohon*: moonshine.

"THIS VILLAGE HAS EVERYTHING: THE EBULLIENT BABA, THE DYING GRANDFATHER, THE SULLEN DRUNK, THE HOT YOUNG THING, WHO SPENDS MOST OF HER TIME ON HER PHONE"

"Are you good?" Maria asks through the door, after the husband and I have spent some time compensating for our lack of a shared language with shared drinks. "Or do you need me to rescue you?"

"Rescue, please," I say. The steps had begun to spin.

"It's nice," she says. "He finally cornered you to do man stuff"—drink heavily—"with him."

It was a full moon. The village dogs, as the saying doesn't quite go, didn't bark.

I woke early, choking on the moldy air, and sat out reading as the sun, and the drunk son, got up. He stumbled over and leaned in, closer and closer, repeating the word I didn't know for "cigarette." Lesia woke up grouchy, rubbing her ears. The baba prescribed oil of onion for earache: shaved raw onion, squeezed through a bolus of cheesecloth, warmed in a bowl of hot water; then soaked in cotton batting and shoved in the ear canal. The asphalt yard soon smelled of onion.

The road out of town climbed the cliff to the field of cornflower on the heights of the river's west bank. A nearly-blind old woman, dressed, despite the heat, in layers of dark grey and black wool, cornered passing festival-goers and harangued them with a megaphone squawk. As three German-looking men in sandals freed themselves, she turned her monologue and her stick towards the birds circling the cliff across the river.

Back in Luka, the town is walking to church, in headscarves and shiny suits; on the young women, skirts just long enough to be respectable. We turn south and west toward Kolomiya: thirty-six kilometers of unpaved road. ("It's a terrible road," an old lady trying to hitch a ride to Ivano-Frankivsk assures us.) A bus stop is accessorized with stylized wheat-stalks and half a mock-Grecian urn. Across the road, someone has cut ten feet of circular moat, creating a grass-covered, artificial island. In the center of town (first mentioned in the chronicles in 1395, says a helpful sign), a concrete Jesus stands atop a socialist-realist war memorial, flanked by platonically heroic soldiers.

"I'm gonna guess that Jesus wasn't part of the original design," says Maria.

There is a lesser old-world mystery I've never solved: the twinned electrical poles, whose base is six or seven feet of concrete pole, to which is strapped, with double coils of iron cable, a debarked tree. The concrete base keeps the tree-trunk from rotting out, I suppose. A mile down the road, the poles are simply thirty feet of concrete stilts, so there is no load-bearing engineering limit. Perhaps, simply, trees are free, and concrete costs.

A woman on the outskirts of Kolomiya wears a white tank top that reads, mysteriously, "Bjorn Borg." Men in Speedos are taking advantage of the sun to drive their cars down into the river for a bath. Silver roofs of aluminum sheeting are hammered into patterns, and gleam alongside shag-

gy Cousin It haystacks. The Hutsuls have a matchless urge toward and skill for the decorative: wool-lined vests, every inch embroidered in every imaginable color; house facades completely tiled or plastered, or carved, or clapboarded in pastel and purple, or lined with the hammered metal trim; iron gates with brass and silver filigree; heavy felt rugs, hung heavy like plywood or wet laundry; crossed lath, flowers, and glass over the bucket crank servicing dug household wells; and private shrines in which the Virgin Mary faces the road through a gilded glass fish tank. It's a self-conscious urge, it must be said: like many picturesque rural minorities , there is a performative consciousness of regional color with an eye toward tourism.

Western Ukrainians plausibly blame the potholes on the just-ousted government, run by Russophile men of the east who steered infrastructure spending away from the nationalist west. To the degree of driving difficulty we now add a long series of switchbacks as we ascend the Carpathians, through the kind of pine whose needles hang from the branch like a medieval noblewoman's sleeve; past roadside sellers squatting behind baskets of dried mushrooms and Mason jars of berries. The sheer mountains themselves have been largely deforested, in an impressive display of human ingenuity directed at living, herding, and farming at a forty-five degree—or greater—angle.

The Cheremosh River, which ties the region together like a tense ribbon, cuts through not the regal canyon of a dignified international stream like the Dniester, but a squared-off notch chiseled, roughly but effectively, ten feet below the village floorlines. The bridge into Verkhovyna has a new paint job, in the both the blue-and-yellow of the

Ukrainian flag and the red-and-black of the militant nationalists, with the slogan "Slava Ukraina, Slava Heroim" across its breadth. Our friend Lena had organized the repainting with a group of schoolchildren, not without local controversy. Notwithstanding the strong national feeling in the area (there is a large memorial to the "Heavenly Hundred" who were shot at the Maidan, in the town square, and a carful of Verkhovnitsi is on its way to Donetsk with food, guns and cash) Lena has been abused and threatened on the town messageboard. She hadn't gone to the trouble of getting permission from the town council, the Ukrainian flag's colors were upside-down, and the red-and-black was just too radical. She should be hung from the bridge, one poster said.

A slim and boyish woman in her forties, forthright and motor-mouthed, Lena is used to being a controversial figure in her village (being single and childless at her age is unusual enough). Born in Verkhovyna to a single mother, she'd moved to Kyiv in her youth and lived the life of an urban hipster: music, art, parties. She moved back home to take care of her aging mother. When the latter died, just a few months before our visit, Lena inherited a small enclosure and three buildings, two of which she had designed and decorated and built out as a kind of bed and breakfast.

She was sitting on the porch in a bikini, flip-flops, and a baseball cap advertising Bitburger beer, cleaning potatoes with a knife. It was laundry day. Her close-cropped hair was dyed blond, and looked blonder against her sun-bronzed skin and round, slightly Asiatic face.

"These stairs are pretty steep," Maria said as we hauled a suitcase up a glo-

rified ladder to the sun-baked second floor.

"Pff!" Lena said dismissively. *"Americanskii protest!"*—what an American complaint.

Within her gates are a half-dozen cats, two goats, a small patch for grass for clover hay, a vegetable garden, countless flowers, raspberries, wild strawberries, broken glass and shards of pottery pressed into the cement walkways and exterior walls, a bench swing made from shellacked branches, a covered, wall-less teahouse, laundry drying on parallel lines. She has another tenant, a German in his ninth year of traveling the world. A close friend had died, and he'd quit his job and gone in search of spiritual contemplation. He has one set of loose-fitting, synthetic hiking clothes, and those shoes with pockets for each individual toe. He fasts twice a year, for thirty-five days each time, and only eats once a day. When he feels hungry, he said, he goes for a walk in the mountains. He has a twenty-five-year-old daughter, but hasn't seen her in three years.

Lena has her laptop out, and is struggling with a dilemma: how to list her establishment on AirBnb in a way that doesn't attract Russians. She's sick of dealing with Russians, she says. "They just want their *sto hram* [100 grams of vodka] and fried meat." (In the end, she decided the solution was to run the listing in English.)

She is a card-carrying member of the nationalist Svoboda party, and we asked how she felt about the recent presidential election, which had elevated the billionaire businessman Petro Poroshenko. She shrugged. "He's not so bad. Lyashko [the radical nationalist member of Parliament who was, that summer, conducting a vigilante campaign in the eastern war zone at the head of a private militia] would've been great, but Europe never would have accepted him. We need a manager, not a revolutionary."

"WE WERE BUYING INSTRUMENTS: A TSIMBALY, A SELECTION OF SOPILKY, AND A DUDA, A BAGPIPE MADE FROM THE SKIN OF A WHOLE GOAT. THE TSIMBALY HAD BEEN BUILT FOR ANOTHER MAN, BUT HE WAS CALLED UP INTO THE ARMY"

Verkhovyna is clustered at the bottom of a wide river valley. Unlike American villages, where each house is separated by a buffer of trees, their houses are packed together as if they slid down the valley walls until they ran up against each other. You can hear the cries of babies and shouts of fathers across the whole town. Dozens of roosters and hun-

dreds of dogs sing in chorus over square miles.

It's haying season, and whole families, including the small children, pitch in. The yards and fields were left to grow tall; then scythed, left to dry in the sun, turned once a day with a rake or pitchfork, and eventually gathered, once the grass had browned, into one of the twenty-foot haystacks that fall from a central pole. Lena's neighbors, Jehovah's Witnesses with five young children, have taken over their shared driveway to cut bark lath into kindling. The husband is shirtless, and, though young, nearly toothless. He has a menagerie of bad tattoos: fantasy dragons fading across his back, a bust of Lenin over his left breast, and in English Gothic capitals on the mound below his belly button, "Only Fur Lady" [*sic*], with an arrow pointing toward his crotch.

"He must have been in prison," I said. He had, it turned out: eleven years, for rape.

The high-mountain lanes, rutted and exposed on the treeless slopes, are cut as deep as five feet below the grassline: the roads have followed the same paths, under more or less the same conditions, for a very

long time. It's hard to credit the evidence that motor vehicles use them, though I do see a dirt bike, an old Soviet army jeep, and a Lada with jacked-up suspension. One farmer tossed his drying hay with a pre-industrial horse-drawn contraption whose two iron wheels turned rods which, as they rotated, waved four pitchfork-ends up and town in pairs. We're visiting a legendary local instrument-maker, a squat old man with white hair and black eyebrows. He and his wife live in the hills with their twelve-year-old granddaughter. Their daughter used to live there, too, but ran off last year with a drunk and left the child.

Their house, too, is newly painted in patriotic blue and yellow. Maria asked him about the election.

"I'm a simple man," he said. "I don't think about these things." But he, too, had settled for Poroshenko.

We were buying instruments: a *tsimbaly*, a selection of *sopilky*, and a *duda*, a bagpipe made from the skin of a whole goat. To keep the skin soft and supple, he says, toss fifty grams of vodka into the instrument every month or so. The *tsimbaly* had been built for another man, but he was called up into the army. She could have it, the original owner said. "If I come back, I can order another one."

We left and headed to Kosiv, where our friend Roman had set up an interview with a member of The Hutsuls (one of the region's first rock bands in the 1960s), a tired-eyed man in double denim and a khaki fishing vest, with one tooth in the middle of his upper gum like a Muppet. Their hit was a cover of Black Sabbath's "Paranoid" with lyrics rewritten in Ukrainian to refer to local topics. Their bearded singer, Slavko, can still be seen riding around town on his bike, playing trumpet at funerals and dances: "It's the rock and roll life," he says, "you want to play for people. Even dead people."

Roman is a photographer and a member of the local parliament ("the local mental hospital," the musician adds). "It gives me headaches and makes me enemies." He had arranged, over the winter, for the reunited Hutsuls to play the Maidan stage—not without some convincing. "Why do I need to drive all the way to Maidan?" Slavko had asked Roman.

"Listen, Slavko," Roman told him. "You've been playing forty years in a jail. Even in free Ukraine, you're in a jail. Now you can come to Maidan and play in a *really* independent Ukraine."

You may find three other parts of the diary available at noisey.vice.com/author/franz-nicolay.

КОГДА БУДУТ ФОТКИ?

ВЛАДЕЛЕЦ ПАБЛИКА «ВСЁ БУДЕТ ПЛОХО.» И ГУРЗУФСКОГО ЗИНА "FOGHORN" КОЛЯ БЫЛ ПОГОВОРИЛ С ФОТОГРАФАМИ, СНИМАЮЩИМИ КОНЦЕРТЫ, И ВЫБРАЛ ИХ ЛУЧШИЕ СНИМКИ.

Миха:

Мне нравится запечатлевать случайные эмоции людей. Концерты – одно из самых подходящих мест для этого – мир искренних и сильных эмоций. Я часто зову друзей и знакомых на концерты, в походы по горам и на море, но всех не вытащишь, поэтому приходится делиться с ними через фото.

Jane Pain:

На концерте хочется веселиться вместе со всеми. Поэтому у самых любимых групп всегда меньше всего снимков. В наше время все существует ради того, чтобы окончиться фотографией. Это объясняет, почему все с таким нетерпением ждут очередных фотоотчетов с концертов.

Вадим Сапатрило:

Я люблю музыку, а концерты — неотъемлемая ее составляющая; возможно, лучшее, что можно взять от музыки. Хороший концерт заставляет тебя ощутить новые, необычные переживания. И очень часто хочется поделиться ими. Фотография — один из способов донести хотя бы часть тех переживаний людям, которых там не было, и возможность восстановить их тем, кто все то прожил.

Нестор Подгурский:

Мне нравится ловить моменты, запоминать их. Дома вся стенка завешана моими концертными снимками. Каждый раз глаз радуется. «Варясь» в сфере музыки и фотографии, обрастаешь многими интересными знакомствами. Ну и, конечно же, это хороший опыт репортажной фотографии.

Надя Чаплин:

Я не хочу связывать свою жизнь с фотографией. Фотография для меня – просто фотография.

Юра Грязнов:

Когда у меня появилась камера, способная снимать и видео, – сразу стал заниматься и видеосъёмкой, где действие и атмосферу можно передать ещё выразительнее. Потому что насколько бы хороша ни была фотография – это всего лишь один вырванный из контекста миг, который в зависимости от умений и технических навыков автора может быть самодостаточен и с художественной точки зрения. Но только музыка, особенно в сочетании с видео, может захватывать дух до мурашек или передавать тот самый драйв и угар.

Ольга «T.Rexa» Мирошниченко:

На концертах я угораю вместе со всеми. Чтоб проникнуться атмосферой, нужно позволить музыке и общему настрою свободно течь сквозь себя, поэтому для меня нет разницы, с камерой я на концерте или без (за исключением того, что в последнем случае мне не наяривают во все лички «когдабудутфотки??!!!»).

Она старалась быть победительницей. Ненавижу победителей, особенно бывших. Как-то раз она спросила, почему у меня ботинки грязные, и хотя это было не так, мне пришлось их обмотать пакетами из супермаркета «Ральф». Это ощущение, что на тебе пара бифштексов, а не сапог. Когда я гулял в них, они издавали поистине отвратный звук. Звук унижения. В ее доме веяло скукой и обыденностью. Вечно на ней была эта синия ночнушка, с ярко желтыми оборками, та же короткая прическа-блонд. Лифчик она не носила, и ее грудь висела, как бельевая веревка. Сиськи были подобно сдувшимся шарам, такие сморщенные, безжизненные. Когда-то это была первоклассная грудь, сейчас это были маленькие красные матерые ребрышки.

Я был разочарован, как ребенок, который на утро обнаружил, что его праздничный шарик сдулся, и падает все ниже и ниже, дергаясь и отплясывая твист. Она узнала, что мы учились в одной школе, и ее глаза загорелись, как рождественское утро. Она намекнула о предстоящей встрече выпускников, 50-летней давности выпуска. Я притворился, что меня это колышет. Она сказала, что была Мисс Аркадиа 1966, главной чирлидершей в команде. Она так

упорно работала челюстями, чеканя каждое слово, что мне трудно было сдерживаться. Но я сдержался. Минуя апатию, раздражение, против собственного желания мой мозг захлестнула волна нескончаемой чуши. Предел.

Я зашел к Мисс Аркадиа 1966, потому что ее телек вышел из строя. Смахнул толстый слой пыли с крышки. Кусочки ее отмервшей кожи разлетелись в стороны, образуя плотный снегопад. Рука господа заботливо расместила их прямо здесь, а я, как унылая сволочь, потревожил и разрушил устоявшийся порядок. Ее бесило, когда я соскребал эти кусочки, заполонившие всю комнату и яростно атакующие мое лицо, точно рой мошек. Толстый слой этой дряни покрыл мои черные солнцезащитные очки. Я представлял себе ее этаким молодым привиденьецем, у которого был целый кувшин этой дряни из какой-нибудь Небыляндии и она обмазывает этим линзы моих очков, как тосты джемом. Клетки кожи лезли в глаза, легкие, застревали в зубах. Они были повсюду, черт ее дери.

Пока я возился с телеком, она сидела и смотрела на меня самым печальным взглядом арийской женщины. Фальшивая улыбка, а зубы до нелепости белые и ровные. Я думал о том, как она бойко отсасывала всей футбольной команде в ее дни. Возможно, тогда она вряд ли бы отсосала такому неудачнику, как я, например. Молодому лузеру, слоняющемуся без дела. А если бы я ее закадрил. 68 лет, сдувшийся шарик. Я знал, что тело у нее было подтянуто в нужных местах, грудь стояла, что надо. А сейчас, сдувшийся шарик. Да и вся личная жизнь превратилась в сдувшийся шарик.

Я подумывал дать ей по башке трофеем ее покойного мужа, завсегдатая боулинг баров. Тупо припечатать со всей дури. Пока она бы лежала истекая кровью на чистенький пол, я бы пошел в кухню, сделал бы себе сэндвич и преспокойно съел бы его. Потом я бы подождал пару часиков, и насрал бы ей на чистенький кафельный пол. Я думал об этом некоторое время, пока не понял, что не голоден.

Я махнул ей на прощанье, а она улыбнулась своей фальшивой улыбкой, полной белых и ровных зубов. Улыбкой настоящей чирлидерши. Улыбкой победительницы. Я обернулся и улыбнулся той же, фальшивой улыбкой, полной желтых и гнилых зубов. Улыбкой отброса. Улыбкой лузера.

Впервые опубликовано в зине "Band of Outsiders", February 2012, issue 009

Перевод: red hair boy

сМЕРЧ

На протяжении двух недель Эва носила футболки любимых групп и документировала каждую в своем инстаграм профиле. Все просто: один день – одна футболка.

День 1. До конца октября я буду носить исключительно мерч любимых групп. Первый день открывают **Wolverine Blues #044 #підтримаймісцевусцену**

День 2. H2O. GO! #OLOC

День 3. Fugazi. #Fugazi #DIY

День 4. Maloi. Попала ко мне через третьи руки: от Лёши, который купил у кого-то, кто тоже уже носил и купил у кого-то. Вот такой он лимитэд и вонтэд мерч локальных групп. **#044 #MALOI**

День 7. HOMESICK. #homesick #odessahardcore

День 5. New Order. И Чупик для смягчения всеобщего «фуууу». :-Р **#neworder**

День 6. The Smiths. Отдельное большое спасибо **@drugiepolgoda** и **@rommy_ramone** за такой крутой подарочек! =*** <3 **#thesmiths #diy**

День 8.The Velvet Underground. #thevelvetunderground

День 9. Minor Threat. Любовь моя. **#minorthreat**

День 10. Bikini Kill. Go girls! #bikinikill

День 11. Joy Division. Фотка немного вышла из формата: модель-кот в вечернем бешенстве, фотограф-Лёша в лени. **#joydivision**

День 12. Ramones. Рамонес – супер бренд шмоток, ясно? Понятно. И собачка (не рооок, а гав). **#ramones #хейхоупішоу**

День 13. Misfits. Что же ещё можно было надеть в Хэллоувин, да ещё и 13-й день?! #misfits

День 14. Alkaline Trio. Люблю и рыдаю, рыдаю и люблю **#alkalinetrio #loveforlife**

День 15 (и последний). **Dirty Beaches**. Шикарный проект одного тайванца из Канады. Кстати, на прошлой неделе проект прекратил своё существование, и я в печали. Так что that's all folks на такой грустной ноте. Покупайте мерч, делайте сами, поддерживайте музыкантов. **#dirtybeaches**

ЯРИК

БАСИСТ ГРУПИ «ШОУ ТРУМЕНА» **ОЛЕКСАНДР ГАВРИЛЮК** РОЗПОВІДАЄ ПРО ТОВАРИША ПО ГРУПІ, ЗГАДУЄ РОКИ МУЗИЧНОЇ АКТИВНОСТІ ТА РОЗМІРКОВУЄ ПРО МІСЦЕ В ІСТОРІЇ.

Частина 1

Зараз у мене, мабуть, не залишилось друзів, окрім найближчої людини в світі. Тільки хороші давні знайомі, з якими ми час від часу бачимось. Немає таких близьких по духу людей, без яких не можу прожити. Навіть з колись такими близькими людьми зараз рідко перетинаємося. Ярик, Топік теж. Це я обдумував пост про Ярика, в серію постів про людей, і зрозумів, що тепер важко назвати його другом: ми нечасто зустрічаємось, він мені майже зовсім нецікавий.

З Яриком ми навчались в одній групі в універі. Саме через нього у моє життя увійшли решта його однокласників: Топік, Карпік, Паша та інші менш видатні фігури. В Юри Карпіка з Топіком була тоді пост-панкова (як ми вже пізніше їх класифікували) банда, з якою вони навіть виступили на факультетському концерті. Ще і до того Ярик мріяв про свій власний гурт.

Після піврічних тусувань Ярик почав поволі затягувати мене в свою мрію, і десь у березні-квітні ми записали свою першу спільну пісню. То була, здається, «Мальчик без носа». (Ну, от реально не пам'ятаю, що то була за пісня. Сподіваюсь, запис ще десь є.) Записували в пристройці, яку знімав Соломчик, на міні-магнітофон. Я грав на гітарі та співав (пісня ж моя), а Ярик на малому барабані відбивав темпоритм виламаними з кущів гілляками. Драйв, пам'ятаю, був неймовірний, я навіть струну порвав, що і зафіксовано на тому міфічному аудіозаписі.

Соломчикова пристройка була місцем, де можна було спокійно тусуватися і проникати в нові глибини розуміння світу і самого себе. Ярик там майже жив, тим самим, мабуть, готуючи прорив Соломчика за межі всього, ним раніше уявлюваного і допустимого. Там на лавочці ми разом вперше і послухали перший альбом «Дорзів». Як не дивно, в досить дорослому вже віці. Звучить, мабуть, банально, але на середині пісні "The End" нас осяяло якимось світлом блаженності, просвітленості. Ми мовчали, і кожен пережив щось своє. А, може, то просто холодне осіннє сонце на хвильку вийшло із-за хмар.

З часом ми тісніше і тісніше зросталися з Яриком, точніше він намагався прищепити собі мене, бо я, як відомо, вільна птаха і ні з ким зростатися не збирався. Поволі, крок за кроком, Ярик зумів мене, прямими і непрямими шляхами втягнути в нашу банду. Ну от зараз він якийсь набагато м'якший, а тоді він просто тараном пер, нав'язувався, змушував мене, і потім Льошу, досягати його власних цілей.

«ПОВОЛІ ЯРИК ЗУМІВ МЕНЕ ВТЯГНУТИ В НАШУ БАНДУ. ВІН ПРОСТО ТАРАНОМ ПЕР, НАВ'ЯЗУВАВСЯ, ЗМУШУВАВ МЕНЕ, І ПОТІМ ЛЬОШУ, ДОСЯГАТИ ЙОГО ВЛАСНИХ ЦІЛЕЙ»

Льоші потрібно було таке мазо, щоб потім вихвалятися своїми реальними та вигаданими пригодами зі своїми дружбанами, та й особистістю він був не дуже сильною. Знаєте, як деякі діти люблять своїх батьків, навіть якщо ті їх увесь час принижують або луплять. Мені ж легше було так тягтися по течії, поки не перетиналася межа мого особистого комфорту, поки задоволення від творення музики і всього того виру переважували негатив від примусу.

Частина 2 — «Вода» і «Шоу Трумена»

Нашу спільну з Яриком музичну творчість можна розділити на два періоди (за моїм власним відчуттям): «романтичний період» і «період стагнації».

Так, спершу ми зовсім не розумілися на музиці, що характерно для початку всіх гуртів. Ми грали тупо те, що в нас було на серці, ніяких намагань якось облагородити свою музику, зробити її більш сприйнятливою для майбутнього слухача. Безкінечні репетиції у Едіка, а потім в хаті Ярикової прабаби, де від стрибків вгиналась підлога. Зі своєї наївності та відкритості ми кидалися в цю пригоду з головою, не знаючи, що потім гурт стане проектом тільки Ярона. Саме тому перший наш альбом вийшов кращим за другий. Ми не знали, як записувати альбоми, але все відбувалося так легко.

Наші перші концерти були самими драйвовими концертами на світі. Ми їздили по районам і виступали перед тридцятьма людьми, які потім нас обожнювали, адже на сцені ми уособлювали свободу. Ми грали, що хотіли і як хотіли. Можливо, ми самі і втілювали одну з ідей панку як мистецтва: що будь-хто може створити банду і виступати. Можливо, це і була ідея фікс Ярика, який народився і виріс у селі під Житомиром.

Групу «Шоу Трумена» розвалила мода (або хтось назве це історичним процесом): мода на теоретезування навколо панку та мода на вегетаріанство. Ярика ця дорога заманила, а решту ні.

В період стагнації тільки Ярик писав слова і музику. Ну, ми звичайно робили своє аранжування, але з цього часу нас можна вважати просто сесійними музикантами. Другий альбом, як на мене, — значно сухіший і простіший, ніж перший. Можливо, він більше сподобався людям, які хотіли почути про антифашизм та вегетаріанство.

Частина 3 — Київ

Переїхав Ярик до Києва раза з четвертого-п'ятого. Як звичайно, позичав у всіх гроші: в кого чотириста, в кого шістсот гривень. От подумати тільки, що на таку суму можна було облаштуватися в столиці, навіть і декілька років тому. Я теж позичав Ярику, тримаючи в голові правило, що треба теоретично відмовитися від тієї суми, бути готовим, що не віддадуть. Ні, Ярик повертав позичене, але не завжди і не всім.

Київ привабив Ярика, мабуть, тим, чим він приваблює всіх молодих провінційних мистців: тут вирує культурне життя, повно виставок, концертів та цікавих активних людей. Досить довгий час він тусувався, але тоді вже «Шоу Трумена» не було, нових музикантів Ярик знайти не зміг, та й тепер треба було самому себе забезпечувати.

З часом підтягнувся і Соломчик, який все-таки міг ностальгією за житомирським джьозом повернути Ярона до музичної творчості, але Київ затягував і затягував у роботу, побутові питання, виснажував годинами, проведеними в громадському транспорті. Радіоринок остаточно віддалив Ярика від творчості. Там треба було вджобувати по шість днів на тиждень, хоч і за пристойну платню.

Нам все-таки вдалося позбиратися вдвох і обробити одну з речей Ярика. Виявилося, що в нього за певний час назбиралось такого-сякого матеріалу. Записали її чернетку: під одноманітну драм-машину і зі звичним Яриковим шепотом-речитативом на задньому плані. Я навіть наклав цей трек на відео з його сліпою кицькою.

Та все це було вже не те: тільки мляві конвульсії, які швидко затухли. Замість музики Ярик почав більше цікавитися політикою та історією. Аж до Євромайдану, і під час нього, брав участь у всіх можливих пікетах і акціях протесту (проти незаконних забудівель і судів невинних, наприклад). І до цього часу перечитує купи історичної літератури; в списку книг, які найбільше на нього вплинули, зазначив два підручника з історії шкільної програми. Любить поро-

зумничати з цього приводу і понаводити якісь банальні усім відомі факти. Ну, хоч дорослий вже вивчить пропущене зі школи.

Іноді заходить до нас в гості, і ми проводимо години за веганським столом у розмовах про все на світі.

Тепер Ярик буде більш-менш регулярно кататися по роботі до Китаю. Пропустив цей раз, коли він повернувся, але наступного разу треба обов'язково зустрітися: цікаво, як на нього вплинула тисячолітня цивілізація. Здається, він півтаємні відповіді переказувати іншим.

В Китаї йому, на відміну від Соломчика, сподобалось, але з розповідей я так і не зрозумів чому.

Ярик ніколи не цурався матюків, як багато хто з наших співвітчизників. Ну, нічого страшного, як подумати, але на мене його мова, пересипана вільними словечками справляє незвичайний вплив: я сам в розмові з ним починаю вставляти щось нецензурне.

«ГРУПУ "ШОУ ТРУМЕНА" РОЗВАЛИЛА МОДА НА ТЕОРЕТЕЗУВАННЯ НАВКОЛО ПАНКУ»

так ще і не спробував того славнозвісного китайського масажу зі щасливим кінцем.

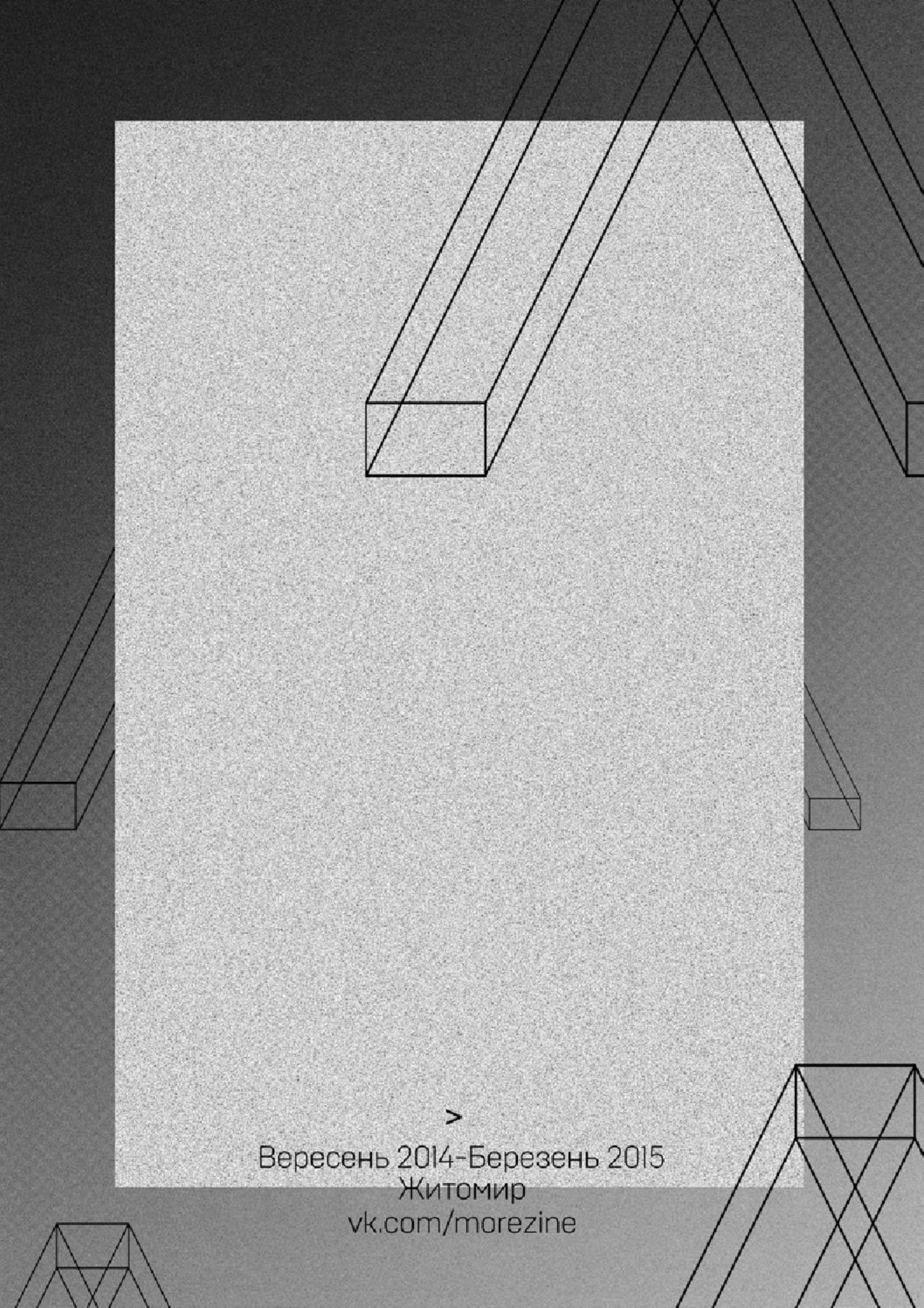
Частина 4

Так, ми все-таки бачились з Яриком до його поверення в Піднебесну. Просиділи увесь вечір робочого дня за столом і допили увесь недопитий алкоголь: самбуку, коньяк – і майже прикінчили абсент. Жодного слова не було про політику, лише поодинокі згадки. Ярик був у настрої пліткувати. Пообговорювали майже всіх знайомих-друзів-родичів. Бо в нього ж язик без кісток і що в голові, те і на язиці. Він майже ніколи не соромиться питати про те, що його цікавить, потім не задумуючись, чи можна ті всі на-

Дивно, але іноді ми починаємо ностальгувати за часами «Шоу Трумена». Ярик знову повторює, що то був прорив, ми згадуємо смішні та стрьомні пригоди, записи альбомів, подорожі на концерти. Я і досі, мабуть, не усвідомлюю, що такого зробила наша музика і тексти і особистість Ярона; дуже довго я не знав, як поширюються наші альбоми, чи пишуть щось про гурт в інтернетах, бо останні два роки животіння «легенди» займався зовсім іншими речами.

Що це означає? Чи то справді ми створили щось непересічне і залишимось, хоч і в локальній, та все ж якійсь там історії? Чи це просто підкидання старим ганчіррям старюганами по п'яні?

Вперше опубліковано в жж Олександра: havryliuk.livejournal.com.



>

Вересень 2014-Березень 2015
Житомир
vk.com/morezine